

О.П. Фесенко

Томский государственный университет

**Фразеологический каламбур
в дружеских письмах первой половины XIX века**

Как верно отмечает Н.В. Вакуров, «фразеология – одно из самых ярких и действенных средств языка» [Вакуров, электронный ресурс]. Фразеологизмы не просто украшают нашу речь, но делают ее более яркой, эмоционально насыщенной, наполняют различными смыслами, во многом отражая языковое мастерство автора и авторское сознание, проявляющееся в тексте. В этом отношении фразеологический каламбур является излюбленным писательским приемом, позволяющим отразить авторскую позицию.

В современной лингвистике до сих пор нет единого понимания природы и специфики фразеологического каламбура. Нет четкого разграничения между понятиями «фразеологическое развертывание», «дефразеологизация», «дилогия» и «фразеологический каламбур». Задача нашего исследования – сопоставить перечисленные понятия, функционирующие во фразеологической науке, и определить функции фразеологического каламбура в дружеских письмах первой половины XIX века.

В лексикологии под каламбуром понимается средство художественной выразительности, состоящее «в юмористическом (пародийном) использовании звуковой стороны слов (и фразеологизмов), их омонимических связей и полисемии» [Мокиенко, 1979, с. 111]. Однако это не общепринятое понимание термина.

Т.И. Дамм и А.П. Сковородников определяют каламбур как «разновидность языковой игры, шутку, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, паронимия и антонимия [Дамм, Сковородников, 2001, электронный ресурс]. И тогда фразеологический каламбур в представлении исследователей определяется как полисемический каламбур (например: «Неодолимый барьер поставлен перед “несунами” на фабрике “Разнопром”: здесь освоен выпуск продукции, которая *не лезет ни в какие ворота*» (Литературная газета. 1982. 22 сент.) [Там же].

Н.М. Шанский прямо о фразеологическом каламбуре не говорит. Он отмечает, что возможно специфическое стилистическое использование фразеологических оборотов в авторской обработке. Тогда фразеологический оборот может употребляться одновременно и в качестве фразеологизма и в качестве свободного сочетания слов, что часто связано с изменением его значения и грамматических свойств. В качестве примеров такого использования омонимичности фразеологизма и свободного сочетания слов Н.М. Шанский приводит следующие отрывки: *В этой части он с о б а к у с ъ е л . – Ох, ах, не говорите так, наша мама очень брезглива* (Ч.); *Отстань, пожалуйста, со своим шкафом, у меня и без того р у к и о т в а л и в а ю т с я . – Митя, услышав эти слова, испугался и долго ходил за матерью, ждал – когда у нее начнут отваливаться руки* (А.Т.); *Пришел к вам не поздравления выслушивать, а б р о с и т ь п е р ч а т к у . – Он*

с деланной серьезностью снял рукавицу и кинул ее на лед. – Вызываю на борьбу (Аж.) [Шанский, 1996, с. 171-177].

Кроме того, исследователь отмечает и другую стилистическую возможность использования фразеологизма. Как пишет Н.М. Шанский, для создания определенного художественного эффекта писатели и публицисты довольно охотно используют фразеологический оборот рядом с одним из образующих его слов (естественно, уже в качестве слова свободного употребления): *На его палитре были все краски, кроме краски стыда* (Э.К.); *Приговоренный зватья человеком, я четверть века всем платил сполна за всё, что не сполна давалось веком* (Нар.); *В этом зареве ветровом выбор был небольшой. Но лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустою душой* (Сурк.) [Там же, с. 171-177].

В.З. Санников полагает, что фразеологический каламбур – это «стилистический прием, основывающийся на столкновении формально сходных фразеологизмов с формально сходными, но отличающимися, деривационно не связанными с ним по значению единицами текста с целью создания комического эффекта. При этом при каламбуре связи фразеологической единицы с элементами контекста основываются на их внешнем формальном сходстве – в этом и заключается смысл игры слов и фразеологизмов» [Санников, 1999, с. 81].

Несмотря на разное толкование природы фразеологического каламбура, большинство ученых сходятся в том, что возможность трансформаций фразеологизма вытекает из сохранения у ФЕ внутренней формы (т.е. исходного буквально-го их смысла) и относительной устойчивости. При этом преобразованиям могут быть подвергнуты как семантика, так и структура словосочетаний.

Остановимся на рассмотрении семантических фразеологических каламбуров, поскольку именно они употребляются в текстах дружеских писем первой половины XIX века (чаще всего в письмах А.С. Пушкина).

По мнению Н.В. Вакурова, трансформация семантики фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой. А эта их особенность позволяет авторам «реставрировать» в той или иной степени стершийся образ и приспособить обобщенный, метафорический смысл того или иного выражения к конкретным условиям контекста» [Вакуров, электронный ресурс].

Мы, вслед за исследователем, полагаем, что семантически преобразованный фразеологизм является **фразеологическим каламбуром**. При этом следует отметить, что в контексте модифицированная фразеологическая единица полностью соотносится с тем словосочетанием, на базе которого фразеологическая единица была образована.

Обратимся к примеру каламбурного использования фразеологизма в текстах писем А.С. Пушкина:

«Не стыдно ли Кюхле печатать ошибочно моего «Демона»! <...> Не давать ему за то ни “Моря”, ни *капли* стихов от меня».

А.С. Пушкин П.А. Вяземскому. 12 ноября 1823 г.

В пушкинском контексте внутренняя форма фразеологизма «проступает» благодаря лексеме МОРЕ, противопоставленной компоненту фразеологической единицы КАПЛЯ. В предложении слова МОРЕ и КАПЛЯ становятся антонимами. В контексте обыгрывается не только внутренняя форма фразеологизма, но и название стихотворения «Море». Перед нами двойной каламбур. С одной стороны, Пушкин опирается на производность фразеологической единицы, оживляя ее внутреннюю форму, с другой – на прямое и переносное значение лексемы МОРЕ.

Это взаимообуславливающее употребление языковых единиц, в результате которого и возникает каламбур.

Следующий пример интересен тем, что двойственное восприятие производной природы фразеологизма иногда приводит к победе «буквализованного значения» [Третьякова, 1993, с. 34] над фразеологическим. И читателю трудно определить, что перед ним: фразеологизм или свободное словосочетание. Такое явление в языке принято называть **дилогией**, а не каламбуром. Под дилогией понимается «фигура речи, основанная на употреблении омонимов или полисемантических слов (в нашем случае фразеологизма), в таком контексте, который исключает их однозначное толкование» [Алтыбаев, 1977, с. 88]. Это значит, что внутренняя форма фразеологической единицы практически разрушена и мы воспроизводим ее смысл только после восприятия буквальных значений уже свободного словосочетания.

«Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться к тебе в халате, нараспашку и *спустя рукава*».

А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, ноябрь 1825. Из Мих. в М.

В данном контексте реализуется значение ФЕ *спустя рукава* – «небрежно, кое-как» – и одновременно создается возможность рассмотрения данного сочетания слов как свободного. К такому восприятию анализируемой единицы нас подготавливает контекст. При этом определяющим, преобладающим является восприятие слов как свободного словосочетания.

Часть исследователей полагает, что фразеологический каламбур является разновидностью дефразеологизации, связанной с каламбурным **переосмыслением отдельных компонентов** фразеологизма (к этой проблеме мы обращались в нашей работе: [Фесенко, 2005]). Чаще всего «оживление внутренней формы компонентов фразеологизма» осуществляется, как и в предыдущих случаях, за счет создания автором необходимого контекста. Обратимся к примерам из нашей картотеки.

«Как мог ты *сойти в арену вместе с этим хилым кулачным бойцом*— ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой венок кровью, желчью и сивухой».

А.С. Пушкин П.А. Вяземскому. 2 янв. 1822. Из Кишинева в М.

«Мы трудимся – а он (Дельвиг) сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. *Он открывает нам глаза и мы видим*, что мы в дураках».

А.С. Пушкин П.А. Плетневу. 7 янв. 1831. Из М в СП.

Контекст в приведенных выше примерах помогает «оживить» первоначальные лексические значения компонентов фразеологизма. Иногда для этого достаточно только одного слова («Он открывает нам глаза и мы *видим*»), иногда словосочетания или предложения. Контекст в этом случае выполняет «пояснительную» функцию [Шадрин, 1973, с. 21].

Следует признать, что фразеологический каламбур может рассматриваться как разновидность дефразеологизации, поскольку природа обоих языковых явлений одна и та же. В обоих случаях «первичное» значение компонентов ФЕ оживляют контекстные актуализаторы. При этом целостное фразеологическое значение так же хорошо воспроизводится, как и значение слов омонимичного свободного словосочетания.

Использование приема дефразеологизации в текстах писем позволяет автору выразить свое отношение к предмету речи и в определенной степени реализовать прагматическую функцию.

Не является фразеологическим каламбуром **фразеологическое развертывание**. Развертывание – частый прием в авторских текстах. Н.В. Халикова определя-

ет развертывание как «намеренное выявление мотивирующей фразеологизм внутренней формы путем утраты устойчивости и употребления компонентов в роли свободных слов при общем образном тождестве фразеологического контекста и фразеологической единицы» [Халикова, 1997, с. 43]. Образность как дифференциальный признак фразеологизма играет в этом случае главную роль (подробнее о фразеологическом развертывании см.: [Фесенко, 2005, с. 148-150]).

По мнению Н.В. Халиковой, «прием фразеологического развертывания использует конкретность. Реализуя принцип актуализации, говорящий может заменить в речи обобщенно-номинативное значение конкретно-образным его эквивалентом» [Халикова, 1997, с. 44].

Развертывание дает возможность автору более точно описать ситуацию, конкретизировать значение ФЕ, изменить значение ФЕ, создать особый эмоциональный настрой.

Механизм фразеологического развертывания довольно последователен. Сначала изменяется структура словосочетания, затем возникает модель сочинительно-подчинительных отношений между компонентами фразеологического контекста. Каждый компонент фразеологизма включается в «живые» синтаксические связи, разрушающие устойчивую структуру ради образа.

Как известно, по сравнению со словами фразеологизмы характеризуются ограниченной сочетаемостью с другими элементами текста и обычно они не могут иметь зависимых слов. Появление полнзначных зависимых слов у отдельных компонентов фразеологических единиц выполняет конкретизирующую функцию. Обратимся к примерам из нашей картотеки.

«Я решительно не хочу *выносить сору из Михайловской избы*»
А.С. Пушкин Л.С. Пушкину. 1-10 ноября 1824. Из Тригорского в СП.

«Почти три года имею про тебя только неверные известия стороною – а здесь не слышу *живого слова европейского*».
А.С. Пушкин П.А. Вяземскому. 1 сент. 1822. Из Кишинева в М.

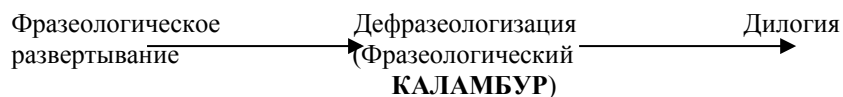
«Скажи от меня Муханову, что ему грех *шутить со мною шутки журнальные*».
А.С. Пушкин П.А. Вяземскому. 19 февр. 1825. Из Мих. в М.

Значение фразеологизма *выносить сор из избы* – «разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми» – конкретизируется, уточняется. Читатель понимает, что речь идет о родственниках, проживающих с автором в Михайловском.

Все рассматриваемые нами примеры представляют собой использование приема фразеологического развертывания в рамках простого предложения. Как отмечает Н.В. Халикова, «прием развертывания в простом предложении частично совпадает с функциями окказионального варианта с расширенным фразеологическим составом и позволяет уточнить и конкретизировать смысл в авторской оценке. Однако эта функция поглощается экспрессивным эффектом восстановления утраченной образности» [Халикова, 1997, с. 46].

И.Ю. Третьякова называет данный прием «двойной актуализацией». Суть ее заключается в том, что «под влиянием особым образом организованного контекста во ФЕ проявляется двойной смысл: одновременно фразеологическое значение и этимологически исходное значение. Изменения в первую очередь затрагивают образную основу ФЕ. Образный план под влиянием контекста теряет свой абстрактный обобщенный характер и начинает восприниматься как вполне конкретный» [Третьякова, 1993, с. 75].

Если проанализировать рассмотренные нами приемы преобразования фразеологических единиц, то можно составить схему, в которой видно, как с помощью контекстных актуализаторов с разной степенью разрушается целостность единого фразеологического значения, что и является критериальным показателем при определении сущности фразеологического каламбура.



Минимальное разрушение целостного значения фразеологизма наблюдается при использовании приема фразеологического развертывания. Дефразеологизация разрушает семантическое единство компонентов ФЕ в сравнении со свободным омонимичным словосочетанием, функционирующим в контексте. Фразеологический каламбур при этом рассматривается нами как вид дефразеологизации. И тогда фразеологическая единица наполняется двойным значением: фразеологическим и значением слов, составляющих свободное омонимичное фразеологизму сочетание. Сознание читателя с легкостью воспроизводит оба значения. За счет такого смыслового наложения в тексте создается каламбур. Диалогия полностью разрушает единство значения фразеологизма, практически превращая его в свободное словосочетание.

Нельзя не согласиться с Н.В. Вакуровым, справедливо отмечающим, что каламбурное преобразование фразеологизма – не просто словесная игра, а, прежде всего, действенное оружие в руках автора [Вакуров, электронный ресурс]. Умелое использование фразеологизмов, их семантических и стилистических ресурсов, свидетельствует о высочайшем языковом мастерстве художника, каковым является А.С. Пушкин, письма которого послужили источником иллюстративного материала нашей работы.

Литература

Алтыбаев А.А. Трансформация фразеологизмов как стилистический прием в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка: Дисс. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1977.

Вакуров Н.В. Каламбур в публицистике. Электронный ресурс // http://www.gramota.ru/mag_rub.html?id=90.

Дамм Т.И., Сквородников А.П. Каламбур. Опыт словарной статьи // Вестник КрасГУ. Гуманитарные науки. 2001. № 1: Филология. Электронный ресурс // http://library.krasu.ru/ft/ft_articles/0055445.pdf.

Мокиенко В.М. Фразообразование и семантика фразеологизмов // Словообразование и фразообразование: Тезисы докладов научной конференции. М., 1979.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Третьякова И.Ю. Типы и способы окказионального преобразования фразеологических единиц в поэтических текстах (на материале современной русской поэзии): Дисс. ... канд. филол. наук. Кострома, 1993.

Фесенко О.П. Фразеология писем А.С. Пушкина. Омск, 2005.

Халикова Н.В. Окказиональная фразеология: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.

Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования: В 2 ч. Ч. 2. М., 1973.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб., 1996.